

Легенда о швейцарском рае. 12. Салтыков-Щедрин: Размышления о России в Швейцарии | La légende du paradis suisse. 12. Mikhaïl Saltykov- Chtchedrine: Les réflexions sur la Russie depuis la Suisse

Автор: Наталья Беглова, [Интерлакен](#) , 19.06.2020.

Город Тун, который М. Е. Салтыков-Щедрин посетил во время своего пребывания в Швейцарии летом 1880 года. (Старинная гравюра из собрания автора)

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа. Сегодня речь пойдет о поэзии.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de *Nasha Gazeta*, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 12. Mikhaïl Saltykov-Chtchedrine: Les réflexions sur la Russie depuis la Suisse

Намеченный [Жуковским](#) курс на сравнение порядков, существовавших в 19 веке в Швейцарии и России, блестяще развил другой русский писатель – Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. (Напомним, что настоящая его фамилия была Салтыков, а Щедрин – это псевдоним, поэтому далее в очерке используется Салтыков.)

Салтыков не стремился в Европу вообще, а тем более, в Швейцарию. Но в 1875 году, когда Михаилу Евграфовичу было уже под пятьдесят, он впервые оказался на лечении в Германии, в Баден-Бадене, откуда писал своему другу поэту Некрасову: «Я здесь скучаю до сумасшествия. <> Дай бог как-нибудь выбраться отсюда и до России добраться... Так мне здесь скучно... Зачем меня сюда послали – бог весть... Пусть будет, что будет, но больше за границей не хочу жить...» Тем не менее, в 1880 году Салтыкову вновь пришлось, с большой неохотой, отправиться в Европу. На сей раз он лечился в уже известном ему Баден-Бадене, а также в Эмсе. Кроме того, Салтыков выбрался в Париж и заглянул в Швейцарию, а на обратном пути в Петербург проехал через Бельгию. В итоге родилась замечательная книга «За рубежом», написанная в форме путевых очерков или дневника.

В Швейцарии, а точнее в Интерлакене, где Салтыков провел около двух недель, он начал писать первую главу произведения, которое по праву ставят в один ряд с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина. При некоторых общих чертах это совершенно особая книга, не похожая на другие, поскольку, несмотря на название, она почти всецело посвящена отечественным темам и материалам. Для того, чтобы лучше понять контекст произведения, необходимо совершить небольшой экскурс в историю.

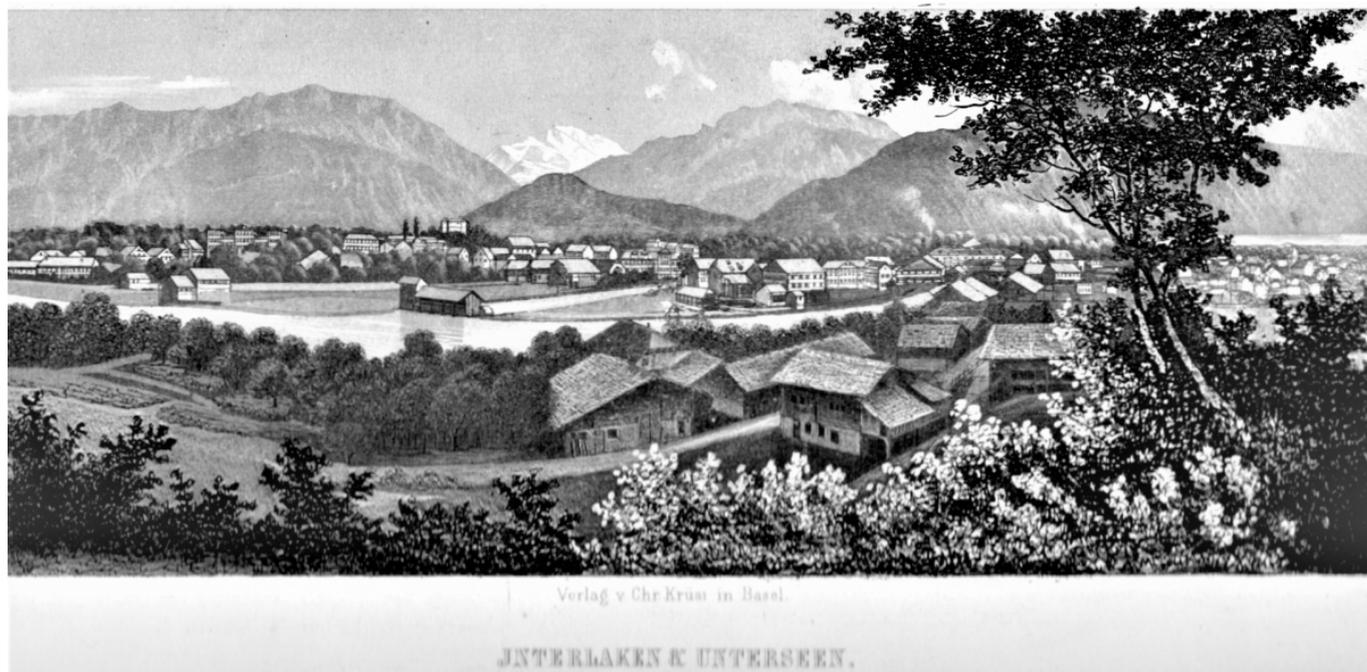
Иван Крамской. Портрет писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1879 г. ,
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Со времен европейских революций 1848-1849 годов во властных структурах России стало модным противопоставлять западную смуту стабильности Российской империи. В статье владельца «Отечественных записок» Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» четко говорилось о том, что в Европе царит безначалие, чреватое ужасными последствиями, в то время как Россия представляет собой «умилительное зрелище незыблемой законности, которая только заимствует новый блеск и силу от противоположных ей явлений (то есть европейских беспорядков – Н.Б.)».

Салтыков прекрасно отдавал себе отчет в том, что скрывается за этим «умилительным» зрелищем законности. Критикуя существующий порядок, писатель подчеркивал, что он был возможен лишь при пассивности обывателей, «одержимых холопским недугом». Страдающие этим недугом предпочитали, по выражению Салтыкова, «посвящать себя культу самосохранения», что позволяло им беспечно прожить «незамеченными» в «превратных толкованиях».

С этих странных слов – «превратные толкования» – и открывается третья глава книги, посвященная Швейцарии. Повествование ведется от лица рассказчика, за которым легко угадывается сам писатель. «Я ехал в Швейцарию не без страха. Думалось, что как только перееду швейцарскую границу, так сейчас же, со всех сторон, и вопьются в меня превратные толкования». Что за «превратные толкования» такие, которые постоянно встречаются на страницах «За рубежом»? Под этим термином, придуманным Салтыковым, подразумевалось все то, что шло вразрез с существовавшими в России порядками.

Итак, Швейцария, с точки зрения властей, страна «превратных толкований», и поездка туда нежелательна. Об этом же предупреждают путешественника и два его спутника – советники Дыба и Удав. Салтыков находит способ убедить своих сановных благожелателей, что не так страшен черт... Какой же довод он приводит? Забавно, но ему на помощь приходит царь зверей, всемирно известная скульптурная композиция «Умиравший лев» в Люцерне. Посвящена композиция доблести швейцарских гвардейцев, павших при отражении штурма дворца Тюильри в день восстания 10 августа 1792 года. Салтыков так объяснил значение памятника, что «привел бесшабашных советников в восхищение». Почему? На памятнике есть следующая надпись: *Helvetiorum virtuti ac fidei* (Доблести и верности швейцарцев). Но еще ранее в книге говорится о том, что некоторые русские шутливо переводят ее так: «Любезно-верным швейцарцам, спасавшим в 1790 году, за поденную плату, французское престол-отечество». Понятно, что подобная интерпретация надписи не могла не вызвать восторга сановных спутников – было бы странно, если бы им не понравился памятник солдатам, воевавшим на стороне императора против посягнувших на его власть революционеров!

Интерлакен. Старинная гравюра из коллекции автора

В представлении людей, подобных встреченным Салтыковым при въезде в Швейцарию, Россия должна была преградить доступ «превратным толкованиям» в страну. Легче всего это сделать, не пуская русских за границу посмотреть, как живет «гнилой Запад», что и делалось с успехом довольно долгое время. Так, в царствование Николая I были введены жесткие правила выезда за рубеж, они были смягчены лишь законом от 26 августа 1856 года, упростившим процедуру получения заграничных паспортов. Больше русских стало ездить в Европу, о чем не без юмора размышляет писатель: «Помнится, когда нам в первый раз отворили двери за границу, то мне думалось: напрасно нас, русских, за границу стали пускать – наверное, мы заразимся. И точно, примеры заражения случались в то время нередко. Приедем мы, бывало, за границу, и точно голодные накинемся. Формы правления – прекраснейшие, климат – хоть в одной рубашке ходи, табльдоты и рестораны – и того лучше. Нигде не кричат караул, нигде не грозят свести в участок, не заезжают, не напоминают о Кузьке и его родственницах».

Приехав в августе 1880 года в Интерлакен и остановившись в лучшем отеле города «Юнгфрау-Виктория», писатель получил прекрасную возможность наблюдать своих соотечественников – в разгар сезона отель был в значительной степени заполнен именно путешествующей публикой из России. Чем занимается, по заметкам Салтыкова, русский турист за границей?

Во-первых, он проявляет безумную активность, «становится необыкновенно деятельным». Не имея возможности разбираться с тем, что происходит в собственной стране, «так как насчет этого в России строго», он счастлив, поскольку «и по деревням шлялся, и с мужичками разговаривал, и пиво в кабаке с ними пил – и ничего, сошло-таки с рук! а попробуй-ка я таким образом у нас в деревне, без предписания начальства, явиться – сейчас руки к лопаткам и марш к становому... ах, подлость какая!».

BLICK AUF DIE JUNGFRAU
VOM HÖHWEG IN INTERLAKEN.

VUE SUR LA JUNGFRAU
DU HÖHWEG D'INTERLAKEN.

Verlag von Chr. Krüsi in Basel.

Интерлакен. Вид на Юнгфрау. Старинная гравюра из коллекции автора

О чем же говорит русский человек с мужичками за границей? Как ни странно, в основном о России. Причем не просто говорит, а обсуждает российские проблемы или, по выражению Салтыкова, «сквернословит»: «Ах, и сквернословили же мы в это веселое время! Смешные анекдоты так и лились рекой из уст культурных сынов России. "La Russie... ха-ха!" "le peuple russe... ха-ха!" "les boyards russes... ха-ха!" "Да вы знаете ли, что наш рубль полтинник стоит... ха-ха!" "Да вы знаете ли, что у нас целую губернию на днях чиновники растащили... ха-ха!»

Свойственно ли это другим европейцам? Нет, отвечает писатель. Это не значит, что в других странах нет проблем или что жители этих стран не осознают их наличие. И проблемы есть, и осознание присутствует. Просто, как пишет Салтыков, «западный человек», когда видит неудовлетворительное состояние дел в стране, «...понимает, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословием, а прямым возражением, на которое уполномочивает его и закон. Мы, русские, никаких уполномочий не имеем и потому заменяем их сквернословием».

Правда, отмечает Салтыков, последнее время ситуация несколько изменилась, поскольку финансовая ситуация в стране стала хуже, вследствие чего «мы уже не гарцуем, выгнув шеи, по курзам, как заколдованные принцы, у которых, несмотря на анекдоты, руки все-таки полны козырей, но бродим понуро, как люди, понимающие, что у них в игре остались только двойки».

Как же реагируют швейцарцы на «рассказы из русского быта»? Естественно, они

выводят не слишком лестное для России заключение: «Когда-то она (Россия - Н.Б.) торговала с Византией шкурами, воском и медом, но ныне, когда шкуры спущены, а воск и мед за недоимки пошли, торговать стало нечем. Поэтому нет у нее ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькие бумажки, да и те имеют свойство только вызывать веселость местных культурных людей».

Аукционный дом
ЕГОРОВЫХ
ЗА РУБЕЖЕМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Е. САЛТЫКОВА (Щедрина).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1881.

EGOROV.S.ART

Порой на аукционе еще можно встретить первое издание книги "За рубежом"

Но больше всего на Западе удивляются тому, как же русские умудряются жить при плохой финансовой ситуации, которую Салтыков условно называет «жизнью без шкур», то есть без денег: «Странное дело! люди без шкур – а живут? Что положено – уплачивают, кого нужно – содержат, даже воровства и те предвидят и следующие на сей предмет суммы взносят без задержания... <...> Но что еще замысловатее: если люди без шкур ухитряются жить, то какую же степень живучести предъявят они, если случайно опять обростут?»

Но пока русские шкурами не обросли, а посему живут в постоянной борьбе за выживание, которая, по словам Салтыкова, «на каждом шагу ставит нас лицом к лицу с искушениями», а искушения, естественно, ведут к действиям. Но как понять, какое из твоих действий не вызовет раздражения начальства? Русский человек пытается приспособиться, предпринимая попытки хоть что-то делать в рамках закона. Но границы этого закона настолько расплывчаты, что практически любая его инициатива, если она не санкционирована сверху, наказуема. Да что там инициатива, «даже если повиноваться вздумаешь, так и тут на искушение наскочишь: по сущей ли совести повинешься или так, ради соблюдения одной формальности?»

Поскольку инициативность в русских искоренить до конца не удастся, наиболее предприимчивые из них пытаются реализовать свои деловые качества на Западе. Замечателен эпизод, навеянный лицезрением Юнгфрау. Салтыков представляет себе ситуацию, при которой «отдали бы тебя (Юнгфрау - Н.Б.) задешево какому-нибудь бесшабашному советнику». Напомню, что под советниками писатель выводит в этом произведении людей, близких к властным структурам. Разве любовался бы советник на горный пейзаж? Конечно нет! Зачем бесполезно пропадать такой красоте? Надо непременно на этом заработать, и посему он «открыл бы на вершине Юнгфрау «харчевню с арфистками»! Но и это не удовлетворило бы советника и, «скупая скромными доходами, получаемыми с харчевни», он подал бы ходатайство о перенесении Юнгфрау в Кунавино (Кунавино - предместье в Нижнем Новгороде, примыкавшее к ярмарочным постройкам; «славилось» как место всероссийского купеческого разгула - Н.Б.). При этом он потребовал бы на осуществление этого проекта «прогонных и подъемных» денег. И далее Салтыков пишет: «Я, разумеется, далек от того, чтобы утверждать, что русская жизнь имеет исключительно дело с берейторами, идиотами и расточителями, но для меня вполне несомненно, что всякое негодующее и настойчивое слово, посланное навстречу расхищению и идиотству, неизбежно и как-то само собой зачисляется в категорию "неотносящихся" дел. Такой-то украл... да не у вас ведь – какое вам дело? Такой-то идиотски сгубил целую массу людей... да не вас ведь сгубил – какое вам дело? Такой-то позорным образом расхитил и расточил вверенное его охране имущество... да ведь не ваше – какое вам дело? Вот ответы, какие дает обыденная жизненная практика на негодующие и настойчивые запросы. Она снисходительно отнесется к вору, ходатайствующему по своему делу, и назовет беспокойным, безалаберным (а может быть, даже распространителем "превратных толкований") человека, которому дорого дело общее, дело его страны».

Гора Юнгфрау. Старинная гравюра, раскрашенная гуашью

Так что же остается делать простому человеку, которому дорога страна? Взгляд на будущее у писателя достаточно пессимистичен. Ситуация в России, по его мнению, характеризуется тяжелым психологическим состоянием людей, от которого они впадают в тоску: «Безмерно и как-то тягуче тоскует современный русский человек; до того тоскует, что, кажется, это одно и обуславливает его живучесть». Почему западный человек в отличие от русского, не тоскует? Объяснение простое – он борется с тем, что ему не нравится, отстаивает свои права. Какой же вывод должны сделать русские люди? Последовать примеру западного человека? По мнению Салтыкова, это невозможно: «А где же взять сил для борьбы? Увы! геройство еще не выработалось, а на добровольные уступки жизнь отзывается с такою обидною скарденностью, что целые десятилетия кажутся как бы застывшими в преднамеренной неподвижности. Остается один выход: благородным образом тосковать. Несомненно, что ничего подобного не встретишь ни у подошвы Пилата, ни на берегах Сены, ни на берегах Шпрее ...»

Следует отметить, что эти строки написаны в разгар деятельности «Народной воли», чьи активисты осуществляли массовые террористические акции. Но Салтыков был противником террора, и его слова о том, что он не видит другого выхода, кроме как тосковать, лишний раз подтверждают его отрицательное отношение к подобным методам политической борьбы. Если тосковать не хочется, можно еще последовать примеру персонажа другого произведения писателя, «Современная идиллия», который занимался тем, что «годил», то есть тихо переживал непростое время.

Салтыков признает, что даже в Швейцарии он сам не смог избавиться от тоски: «Тоска, одна тоска – и ничего больше. Думал, что хоть швейцарские "превратные толкования" на время заслонят тоску – ничуть не бывало!» На наш взгляд, Михаил Евграфович несколько покривил душой, когда написал, что в Швейцарии он не испытывал ничего, кроме тоски. Швейцарские пейзажи действовали на него успокаивающе. Вот строки, написанные в Интерлакене: «В красоте природы есть нечто волшебное действующее, проливающее успокоение даже на самые застарелые увечья». Другое дело, что успокоение это не было долговременным, очарование проходило, и Салтыков снова обращал свой взор к родине и «застарелые увечья» вновь давали о себе знать. Писатель по-настоящему страдает оттого, что народ страны, которая вынесла «... и удельную поножовщину, и татарщину, и московские идеалы государственности, и петербургское просветительное озорство и закрепощение», по-прежнему живет гораздо тяжелее, чем многие другие страны Европы.

Салтыков – истинный патриот, он любит свою родину. Писатель утверждает, что «...никто так страстно не любит своей родины, как русский человек». Именно поэтому он нигде не забывает о России, везде у него «сердце болит», когда он думает о ее судьбе: «И вдруг какая-то колючая жалость так и хлынет во все фибры существа. <...> ...везде изобилие, а у нас – «не белы снега»; везде резон, а у нас – фюить! Везде люди настоящие слова говорят, а мы и поднесь на езоповских притчах сидим; везде люди заправскою жизнью живут, а у нас приспособляются. <...> Ах, бедные, бедные!»

«Умиравший лев» в городе Люцерн. Старинная гравюра из коллекции автора

Отдельные очерки из книги «За рубежом» начали печатать «Отечественные записки» в 1880 году, и никаких проблем с цензурой, как опасался Салтыков, не возникло. Уже первая глава привлекла большое внимание и, как отмечали современники, имела «настоящий, в полном значении этого слова, un succès fou, по крайней мере, в петербургской журналистике и петербургских салонах». Так, например, газета «Сын отечества» писала, что в новом сочинении Салтыков продолжает свою «великую борьбу» за сохранение «живых сил» русского общества: «Читая его, как-то оживаешь, чувствуя, что не все еще заглохло, не все пришиблено, не все искалечено». Последние части произведения писались и печатались уже после убийства народовольцами в Александра II в марте 1881 года и последовавшим за этим повсеместным ужесточением цензуры. Тем не менее, в сентябре 1881 года книга «За рубежом» все-таки вышла отдельным изданием, правда, больше при жизни автора не издавалась.

В наши дни об этом произведении Салтыкова вспоминают не часто, хотя, по справедливым словам крупнейшего советского литературоведа С.А. Макашина, «За рубежом» – одна из великих русских книг не только о Западе», но о России и Западе и, по существу, о России больше, чем о Западе. Изучение опыта прошлого, как известно, полезно, а потому книга важна для тех, кто, как и писатель, любит родину, а потому не закрывает глаза на ее проблемы.

Предвидим вопрос: а причем же здесь «швейцарская легенда»? При том, что идея книги пришла писателю именно в Швейцарии. Видимо, оказавшись в Интерлакене и наблюдая людей, счастливо живущих на лоне прекрасной альпийской природы, Салтыкову, как никогда ранее, стало обидно за русский народ, прошедший столько испытаний и лишенный возможности жить без опаски постоянно быть уличенным в каких-то очередных «превратных толкованиях». Вот подтверждение такой гипотезы: «Оглянешься кругом – вся природа словно изнемогает под наплывом внутреннего ликования. Все блещет: и небо, и горы, и озёра. Даже гроза – и та летит навстречу, вся блистающая, вся пылающая целым пожаром сверканий. И что же! все это пропускаешь мимо глаз и ушей, ко всему прислушиваешься и присматриваешься вяло, почти безучастно... И почему?.. потому только, что впечатлительность уже заранее загажена предположением о каких-то «превратных толкованиях»...»

Отсюда и желание ярко и правдиво сказать во всеуслышание о том, что препятствует установлению порядков, позволяющих русскому человеку жить не хуже, а лучше, чем швейцарцам. Салтыков, безусловно, внес лепту в «швейцарский миф»: русский человек не перестает думать о Родине даже в стране-сказке. Он показал, что никакие красоты, никакое личное благополучие не могут заставить истинного патриота забыть о ее проблемах. Именно альпийские красоты позволяют острее почувствовать несовершенство общества, в котором ты живешь, и попытаться сделать все от тебя зависящее, чтобы и на твоей родине люди жили достойно.

От редакции: Все очерки из цикла "Легенда о швейцарском рае" собраны в [особое досье](#).

[Швейцария](#)
[памятники культуры](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-12-saltykov-shchedrin-razmyshleniya-o-rossii-v>